

ЕЛЕНА ФЕНИКС

**ДЕМОНОКРАТИЯ,
ИЛИ ОХОТА НА ВЕДЪМ
ПО-РУССКИ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Феникс
Демонократия, или
Охота на ведьм по-русски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42611236

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-10178-4

Аннотация

Власть, политика, бизнес, темные силы, светлые силы, черная магия, черный пиар... Охота на ведьм по-русски началась!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	5
Привет, Каиафа!	5
«Говорит и показывает Энск»	8
Виват, пиар, виват!	15
Но не всё коту масленица...	38
На подступах к Голгофе	50
Комсомольские отпрыски	71
Гора трупов	77
Глава вторая	83
Идем ко дну	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

...Промозглая Москва равнодушно швыряла в лицо комья снега. Я брела по улицам. Злые слезы стыли на щеках и тут же отлетали градинами. Я была никому не нужна. Ни здесь, нигде. Оклеветали. Предали. Родина дала мощный пинок: катись, журналистка, и молись, что жива. Выкатилась. И умерла. Я есть и – меня нет. «Ты должна написать книгу об этом!» – твердит подруга Ольга. Написать не проблема. Но как быть, если автор – живой труп? Возродиться? Как птица Феникс?! Наверно. Вот пусть она и станет моим псевдонимом – Елена Феникс. Настоящее же мое имя пусть останется там, куда его закопали...

Глава первая

В фаворе

Привет, Каиафа!

Муж сонно ощупал на постели место рядом с собой и, коснувшись моего бедра, удовлетворенно уснул. Я тоже не заметила, как задремала. Это было редкое и интересное состояние – что-то между сном и забытием. Кто-то его именует просон, кто-то – астрал.

... Скрипнула балконная дверь, и со стороны улицы в мою квартиру на 9-ом этаже шагнул мужичонка. Эдакий булгаковский, вульгарно-расхристанный персонаж. Аршин с кепкой. На голове – фуражка-лужковка, воротник куцега коротенького пальтишки поднят и виден только остренький нос и хитрые мелкие глазки. Я чуть приподняла голову с подушки и посмотрела на него. В ту же секунду перед моими глазами проплыло слово, написанное изумительно красивым, даже не каллиграфическим, а вензельным почерком. Я поняла, что это слово очень важное, его надо непременно запомнить и впиалась в него взглядом: «КАИАФА». Сильно забилось сердце, в глубине души началось странное волнение, почему-то в голове отстучали слова: «Это – проклятие?!».

Я с усилием разомкнула глаза. Муж безмятежно похрапывал рядом. Балконная дверь заперта. Никакого мужичонки не было. И только эти шесть букв пульсировали в мозгу. Тело стало ватным и провалилось в теперь уже настоящий сон.

Утром первой мыслью было то слово. Оно вспомнилось не сразу. Его значение и вовсе было непонятно. Взгляд уперся в толстую Библию в книжном шкафу. Я чувствовала, что ответ – там. Но Библию я не читала. Открыла методом наугад. Взгляд выхватил слово Кириафаим. Не то. Надо прочесть святую книгу. Это диктовал какой-то глубинный страх. С того дня он временами цепко брал за горло костлявыми пальцами, рождал депрессию без особых на то причин. Я чувствовала, что в моей весьма благополучной доселе жизни, что-то незаметно меняется. Это что-то еще никак себя не обнаруживает, у меня еще есть все – любимая работа, семья, два прекрасных сына, друзья... Но чернота уже идет по пятам, чернота разрушающая, как проклятье.

Я нашла слово «Каиафа» в Библии спустя 8 лет, когда уже потеряла все – и работу, и семью, и друзей, и самоё ощущение жизни. Каиафа звали первосвященника, который обрек Иисуса на распятие, на смерть. «И к злодеям причтен» – было написано у него на кресте...

Через неделю после явления мне «Каиафы» я разошлась с мужем. У меня остались только двое сыновей и три работы. Я вела информационно-аналитическую программу на местном телевидении, работала помощником депутата Госдумы

России и собственным корреспондентом газеты «Ставропольская правда».

«Говорит и показывает Энск»

Телевидение было крупным завоеванием мелкого Энска. Кустарные – на первых порах – передачи смотрел с замиранием сердца весь город. Центральные каналы были по боку. Местное ТВ показывало своих. Косноязычных, не припудренных, родных. С тем сидел на горшке в детском саду, с этим бузил в школе, этому набил морду по пьянке, с той спал, и вон с той – тоже. Когда пошли прямые эфиры и с экрана полилась нормальная речь политиков, Энск горделиво потрянул своей 220-летней сединой: не лыком шит!

Телевизионная слава обрушилась на меня со становлением казачьего движения. Однажды, уже ближе к 12 часам ночи, в квартиру настойчиво позвонили. В дверях стояли три казака в папахах, бурках и с чем-то наперевес (оружие в 1993 году казакам еще носить не разрешалось).

– Лена, нам надо срочно выйти в прямой эфир! Помогите.

– Да как же я это сделаю? Я не директор студии.

– Мы обойдемся без студии, залезем на телевизионную вышку и сделаем обращение к народу прямо через ретранслятор.

В технике я была не сильна, несмотря на свое высшее техническое образование, но стоять в стороне от явных политических эксцессов мне было непозволительно. Оставив сынов дома, я собралась и шагнула в ноябрьскую промозглость.

Двое казаков лихо взбежали на телевышку, я осталась топтаться внизу и могла только представлять, как перепугался оператор при виде грозных, усатых громил, которые возбужденно требовали свободы слова. Спустя несколько минут казаки слезли с вышки весьма довольные и повезли меня на центральную площадь города, куда съехались представители казачества Юга России. Зрелище было из ряда вон. Посреди площади горел огромный костер, из таких, какие зажигали в пионерских лагерях на открытие-закрытие сезона. По всей площади стояли большие автобусы и дружно гудели. Терцы, кубанцы, донцы толпились вокруг костра, что-то бурно обсуждая и кого-то намереваясь «валить». Со мной был телеоператор Юра Студеный, который снимал на камеру нестандартное действо: Энск становился политическим центром Юга России, точкой пересечения общественных интересов, казачьей вольницей и борцом с коррупцией!

В эту ночь казаки с телевышки «свистали» горожан на площадь для поддержки своих инициатив по снятию с должности начальника Энской милиции Матросова. Здание милиции расположено аккурат на той же площади, где сейчас пылал костер, и кипели страсти. Милиционеры металась по кустам, не зная, как реагировать на происходящее. Начальник ОВД заперся в кабинете и связывался с вышестоящими. Обстановка нагнеталась. Казаки скандировали «Долой!».

Причина их внезапного съезда имела вполне политический аспект и позже была одобрена и поддержана властями.

ми: из Энска в Армению ушли несколько автоэшелонов с мукой, на что было выдано разрешение стражами порядка. Усмотрев в данном факте разграбление энских закромов и некий сговор милиции с представителями криминализованной национальной верхушки, казаки грозно выступили единым фронтом против.

Мы с оператором Юрой еле протиснулись в закуток в здании ОВД и через решетку пытались добиться явления народу начальника милиции: казаков и подтягивающийся после телепризыва народ надо было успокоить.

Пахло бунтом и беспорядками. Матросов спустился из кабинета и сказал мне в микрофон несколько слов, из которых было ясно, что высшее областное руководство еще не решило, что делать с распоясавшимися казаками, чем их умаслить и как притушить скандал, который завтра выстрелит в центральных газетах.

Я была на площади, можно сказать, единственной женщиной. Причем, с армянской фамилией. В этом и состояла пикантность ситуации. Мне была уготована миссия «пнуть» соплеменников мужа и доказать свою лояльность казачеству, к которому принадлежал мой отец, яицкий казак. С точки зрения терцев, я справилась с задачей отлично, за что и была награждена впоследствии нагрудным знаком «Почетный казак».

Назавтра после бунта эшелон с мукой был арестован и препровожден в Энск, а Матросов вскоре был снят с долж-

ности и заболел. Я чувствовала свою вину, хотя таковой не было в принципе. Я просто освещала реальность происходящего, не расставляя акцентов. Однако в городе считали, что моя роль в низвержении «неприкасаемого» начальника милиции была весомой.

Матросов не пережил позора. Незадолго до этого я встрети­лась с ним в кардиологическом отделении больницы. Я приезжала проведать двух своих друзей-руководителей – известного на Ставро­родчине компартийного босса Серафима Романько и главу района Владимира Рыкина. Матросов лежал в соседней с ними палате, и я заглянула к нему. Груз­ный, крепкий еще недавно мужчина, заметно сдал. Предвос­хищая мои слова, он произнес:

– Лена, тебе не в чем себя винить. Ты все сделала пра­вильно. И объективно.

Вскоре после этой встречи он умер от инфаркта. Мне бы­ло больно. Это была первая смерть, в которой присутство­вал мой журналистский, профессиональный фактор. Значи­мость слова – печатного или эфирного – с того момента ста­ла мне особенно ясна.

Спустя два года после этого умер Серафим Романько, ле­генда региона. Будь он живой, многие из ныне действующ­их власть предержащих получили бы от него заслуженную «клизму» и полетели бы с кресел безо всяких столичных решений. Нынешнего губернатора Александра Черноворона Серафим незадолго до смерти обещал прилюдно выпороть

за вред, который тот причинил региону за годы своего правления. Такого кадра Серафим никогда бы не подпустил к власти и к людям на пушечный выстрел.

Черноворон с Серафимом были земляками, с одного сельского района. Однако Александр, или как его именуют в области – Шурик, не удостоился чести получать оплеухи от самого Серафима по причине явной профнепригодности и непомерных амбиций. Оные в глазах влиятельного и мудрого Романько были неприемлемы, когда речь шла о власти.

– Руководитель должен народу служить, – сказал он мне однажды. – А чтобы служить, народ нужно любить. Народ! Не себя!

Шурик любил себя и из-под пристального взгляда Серафима сбежал в Ставрополь, где по-комсомольски шустро отбил от рук. И это было плохо. Ведь комсомол для многих карьерно устремленных персон был в конце 80-х – начале 90-х плацдармом в большую власть. То, что Шурик к таковой стремится, сомнений ни у кого не было. И понимающие весь кошмар ситуации с возможным приходом к власти этого оголтелого «комсомоленка», старейшины хватались за головы. Их попытки остановить и образумить Шурика ни к чему не приводили. Он рвался в политику, аки жеребенок в яслях рвется к сосцам кобылицы-матери, которую под уздцы ведут на заклание. Однако жажда власти была столь сильна, что стал таки Шурик сначала секретарем областного комитета ВЛКСМ, потом депутатом Госдумы, потом – губернато-

ром. Понесла его нечистая в кабинеты высокие и продолжает держать на плаву. Старейшины же Ставгородские поминают добрым словом Романько Серафима, который зрил в корень и грозился вырвать Шурке органы детородные, чтобы не лез туда, куда не следует. Жаль, что не вырвал. Может, тогда и жива была бы область Ставгородская.

Серафим много лет расставлял в регионе кадры, был жестким и даже жестоким человеком, муштровал людей. Но его учениками были избранные, изначально люди порядочные, их можно было назначать на любые должности без опасений, что провалят дело. Если отбросить компартийную наносность, Серафим Михайлович был лидером вневременным. И внесоциальным. Ему били челом и коммунисты, и бандиты. И столичные, и местные.

Меня он звал дочкой. Падкий на женский пол до глубоких своих лет, он меня воспринимал, как личность и профессионала. Его уважали и боялись: одного косого взгляда было достаточно, чтобы человек потерял все. Или обрел. На его похороны съехалась чуть не вся область. Губернатор Шурик Черноворон тоже был. Со стороны казалось, что он, любимый ученик, оплакивает смерть любимого учителя искренне. В толпе шептались, что Черноворон выстроит областному патрону самый крутой памятник на могиле и выставит там почетный караул. Но ни памятника, ни тем более караула на могиле Романько не появилось. Через несколько лет, не дождавшись губернаторской дани памяти «любимому учи-

телю», несколько руководителей предприятий поставили на кладбище скромный монумент. Эх, Серафим Михайлович! Жаль, что силы у тебя были уже не те, и не выпорол ты своего земляка, не отправил навечно крутить коровам хвосты или пахать землю. Авошь, толку было бы больше. Ибо то, что творит сейчас досточтимый Шурик, на что взирает благосклонно, иначе, как Кавказским Чернобылем не назовешь.

Виват, пиар, виват!

В тот год всё шло через пень-колоду. Неожиданно ко мне в кабинет пришел приятель, адвокат Виктор Белов.

– Слушай, мать, тут такой кадр в районе появился, зашибись! Занимался выборами Черноворона методами черной магии! Недавно вернулся с Сибири, где тоже толкал в президенты мужика колдовскими заморочками. Сейчас поселился на окраине района в вагончике на берегу озера. У казака в аренду взял. Хочешь, познакомлю?

– А на фиг он мне?

– Ну, как же! Интервью возьмешь по поводу технологий выборов. Пусть народ знает, как нашего брата дурачат!

– Да кто же такой материал опубликует в области, если этот твой друг чернухой нашего сиятельного Черноворона к власти привел?

– А он еще и баб лечит от бесплодия. К нему народ валом валит. Вообще, мужик интересный. Такие к нам еще не залетали.

Ехали мы минут сорок по бездорожью в село, в котором жили в основном бывшие зеки. Из грязного вагончика навстречу нам вышел здоровый мужик, просто великан, уму непостижимо, как он умещался в своем убогом жилище. Звали мужика Николай. Пострижен он был ежиком, имел крепкий затылок и мелкие глазки. Если его приодеть и по-

весить на грудь мощную золотую цепь, он вполне сошел бы за нувориша времен начала перестройки. Тот же типаж.

Мы с Виктором поднялись к нему в вагон по сбитой наспех лестнице, явно не предназначенной для носительниц узких мини-юбок. Обстановка нарочитого убожества, какого-то демонизма в домике была ужасающей. На топчане лежали материалы с выборных кампаний на Ставроградчине, биография Черноворона, антилистовки с передернутыми фактами и заложенными в текст фразами, воздействующими на подсознание.

– Так ты вообще на чем поле играл? – удивилась я.

– На Черноворонском.

– А почему тогда его же «поливал»?

– Эти листовки необычные. Сюда встроена явная ложь, которая вызывала злость и агрессию против любого из его конкурентов. А к Черноворону – наоборот народ проникался симпатией как к жертве наездов. Это прием такой. Работает безотказно.

Экстрасенс достал яркий предвыборный плакат-календарь, на котором был изображен коммунист Черноворон в казачьем обмундировании и лихо сдвинутой набекрень папахе. Из-под нее кокетливо топорщились чернявые кудри. Лежал будущий губернатор посреди пшеничного поля и пожевывал колосок. Это – плакат «правильный», агитационный. А на другом, точно таком же, за спиной Черноворона откровенно выглядывало оголенное женское пышное бедро,

и, если присмотреться, из-под локтя бравого казака-коммуниста был замечен сосок женской груди.

Когда такой плакат появился в народе, избиратели просто опупели. Коммунисты, так те заголосили благим матом: порочат честь и достоинство святейшего! А раз порочат, значит, считают самым, что ни на есть главным претендентом! По домам пошли старушки, которым выдали по столынику за агитработу:

– Наш Шурик – верный ленинец!

– Черноворон – лучший губернатор в мире!

– Ну и что, что с женой развелся! У него – любовь!

Последнее слово произносилось с особым придыханием и осуждением сомневающихся. Так, словно у всего остального мужского населения области между ног находятся не детородные органы, акабаньи хвосты. А разговоры, что казак-коммунист Черноворон променял жену казачку то ли на дагестанку, то ли абазинку, играли Шурику на руку: он уже начал крепить мир на Кавказе!

Но самое веселое заключалось в том, что в производстве контр-плаката с изображением голого женского бедра и соска за спиной будущего губернатора, обвинили одного из конкурентов Черноворона, который, якобы, таким образом, разыграл свою предвыборную карту.

«Ах, так?» – возмутился конкурент. И заказал в типографии такой же в точности календарь-плакат с возлежащим посреди пшеничного поля Черновороном. Но! Теперь за его

спиной конкретно проглядывало не женское бедро, а... мужская, волосатая и откровенно кавалерийская конечность!

Намек на нетрадиционную ориентацию был настолько прозрачен, что бабушкам-агитаторкам нечем стало крыть.

Разумеется, поднялись на ноги и на уши все силовики, искали подпольную типографию. Шум был великий. Не нашли. И тихонько посмеивались в кабинетах: как нашего Шурика вые...ли?! Это ж надо!

В штабе Черноворона затосковали и с позором разогнали «поганых экстрасенсов», которые спровоцировали непредусмотренную планом интригу. Тот плакат с мужчинской ногой народ разглядывал по ночам при бликах свечей и тихо ржал. И хотя Шурика все равно выбрали, конкуренту было не так обидно. Ведь он заложил фундамент новых элементов «черного пиара».

Николай рассказал, как вместе с тремя другими экстрасенсами зомбирова́л аудиторию, где с предвыборными речами выступал кандидат в губернаторы Черноворон. Экстрасенсы садились по углам зала, сосредотачивались и обрабатывали избирателей силой мысли и внушения. Черноворон, совершенно бестолковая личность, не умеющий связать и двух слов, битый час нес с трибуны форменную ахинею. Как правило, это были лозунги типа «Да здравствует КПСС!» и «Ельцин всех нас надул!» Избиратели запоминали только эти важные, для них, слова и волокли пламенному трибуну букеты цветов. От Черноворона требовалось одно: быть кра-

сивым, чтобы запомнили визуально, и страстным, чтобы его интонация дошла «до печенок». Когда Шурик Черноворон победил, от своих магических помощников он поспешил избавиться, чтобы не дай бог, кто из них не раскололся.

Я ужаснулась. Верить в этот бред категорически не хотелось. Между тем диктофон был включен и записывал весь разговор.

– Ты мне не веришь, – обиделся Николай. – Так мне трудно работать. Хочешь, я покажу на практике, как действует гипноз?

– Нет уж. Мы, пожалуй, поедем. Спасибо за информацию, но для печати это явно не годится.

Мы с Виктором сели в машину. Я включила диктофон. Голос Николая был отчетливо слышен. Я решила дома еще раз прокрутить пленку и прослушать особо понравившиеся фрагменты про оболванивание милых моему сердцу земляков. Однако, когда, уложив детей спать, я села прослушать байки Николая, диктофон отказался воспроизводить разговор. Я вставила кассету в обычный магнитофон. Кассета почему-то оказалась чиста. Я разбудила детей: не вы ли, дорогие, сунули носы в мою технику? Дети смотрели честными глазами и не понимали, чего от них хочет их странная мать.

Утром я позвонила Виктору:

– Вези меня обратно. Твой друг гокнул мой диктофон. Пусть чинит.

Николай вышел к нам, улыбаясь, и без предисловий про-

тянул руку за диктофоном. Я подумала, что Виктор его как-то предупредил о поломке и моем грозном духорасположении, но потом поняла, что у Николая в вагончике нет телефона(мобильников в те годы еще не было). Неужели – ясно-видящий?

Николай усмехнулся моему дурацкому, на его взгляд, молчаливому вопросу. Он взял в руки диктофон, внимательно посмотрел на него. Мне показалось, что из глаз экстрасенса выскочили два луча. Я потрясла головой. Николай нажал кнопку «пуск» и «пустая» кассета воспроизвела фрагмент вчерашнего разговора. Мы с Виктором молча таранились друг на друга.

– Техника способна подчиняться командам экстрасенсов не меньше, чем люди. Убедилась? – усмехнулся Николай.

Мне стало страшно.

Гордясь произведенным эффектом, Николай подарил нам с Виктором по книге «Черная магия». Этот шедевр был написан им самим. Виктору экстрасенс подписал книгу, я от дарственной надписи отказалась: навечно вписывать свое имя в небесные анналы в качестве читательницы-почитательницы черного мага не хотелось.

Утром с этой книгой я зашла в кабинет к Наташке Иголкиной, заместителю главы Энской администрации.

– Хочешь посмотреть, какая литература в наш район залетела?

Наталья – истая православная. Такая же истая, как бы-

ла комсомолкой и коммунисткой. Она даже успела на съезд Всесоюзный съездить делегатом и резко после этого пошла в политическую гору. С Черновороном у них было общее прошлое, по которому все бывшие комсомольцы, не успевшие вкусить прелестей компартийной жизни, по сей день тяжело вздыхают и мысленно клянут Горбачева с Ельциным за слом милой безбедной и беспроблемной богемной жизни. Но сейчас, как того требует новое время, те же самые люди исправно молятся и не стесняются ходить в церковь.

Иголкина в администрации занималась социальной «кухней». До нее – помогала приватизировать госсобственность. Ловко помогала: Энский район первым в области завершил распродажу государственной собственности. После чего один из активистов-приватизаторов, набив карманы, скрылся в Москве, другого пустили по судам и повесили на него всех «собак» предшественника, мол, намудрил с распродажей госсобственности, украл больше дозволенного. Наташке, его правой руке, наверно, помогли молитвы.

Она живо схватила книгу:

– Так это же «Черная магия»!

– Да, а что?

– Как ты можешь это читать?

– Читать будешь ты, как работник идеологического фронта.

Наташка иногда курировала СМИ. Когда это было ей на руку. Например, она активно окучивала телестудию, готови-

ла информационные выпуски «Из кабинетов власти» и даже успела выскочить в эфир в связи с событиями 19 августа 1991 года. Предстала перед народом в образе демократки, резво перелицованной из убежденной коммунистки.

Я тогда билась в городской типографии за выход в поддержку демократии номера «Независимой Энской газеты», редактором которой являлась. Руководство типографии разве что не гнало меня взащей, здесь бойко набирались указы ГКЧП, журналисты «Энской правды» бегали взад-вперед с выпученными глазами и при виде меня гордо вздымали груди: я выпускала газету против ГКЧП на свой собственный страх и риск. Содержание было вполне в духе того времени: долой затхлость, даешь свободу!

Смешно было наблюдать, как 22 августа, когда уже было ясно, что танковая демократия одержала победу, коллеги из районной газеты, пряча глаза, спешно отправляли в переплавку уже отлитые на линотипных станках указы ГКЧП. В тот же день меня, как борца за идеалы демократии снимали для какого-то областного репортажа. С той поры коммунисты поставили на мне окончательный крест.

Они, собственно, и прежде меня не жаловали. Моя интеллигентская профессия – инженер – препятствовала вступлению в КПСС, в которой я намеревалась бороться за чистоту рядов – так было написано мной в заявлении о вступлении в партию. В нее, в партию, мне было настоятельно рекомендовано вступить, когда я еще только прикоснулась к

журналистике, возглавив многотиражную заводскую газету «Арматурщик».

– Если ты не хочешь, чтобы над тобой был начальник-дурак – вступай! – сказал мне секретарь парткома завода Томилов.

Я не хотела. И написала заявление. Коммунистам его текст не понравился – пахло диссидентством и «пятой колонной». Но – приняли. Без кандидатского срока. Ибо партия к тому времени уже редела, важен был каждый новый член: окрыленные новыми веяниями «идеологически неустойчивые» члены выходили из КПСС нестройными рядами, и было очевидно, что КПСС – не жилец.

Я пробыла членом компартии один месяц. Даже партвзносы заплатить не успела ни разу. Но от «счастья» иметь шефом дурака-начальника избавилась – сама стала редактором сначала «Арматурщика», потом и «Независимой».

Наташка Иголкина мне временами нравилась. Она умело лавировала в областной «кухне», знала, кому улыбнуться, а с кем переспать для пользы карьерного дела. «Изюминка» Натальи была в том, что она умудрялась жить в атмосфере двойных стандартов не раздваиваясь и не терзаясь по ночам мыслями типа, если хочется должность повыше, то мужа следует сменить или любовника завести покруче? Муж для Иголкиной – святое. И семья – тоже. Так мудро она и вела по жизни своего Серого и единственную дочь Ксению. Девочка и правда удалась на славу – красавица, золотая ме-

далистка, действительно умница. Да и муж не оплошал. Тихо-мирно значитесь при Наталье заведующим отделом в той же администрации. Ничего, что два члена семьи Иголкиных оказались вместе на чиновных государственных должностях, причем, муж – в подчинении жены. По закону этак негоже. Иголкинойгоже все!

Впрочем, что греха таить, была у Натальи своя фишкав работе. Вежливо, так, чтобы человек, получив отказ, вышел из кабинета с великой благодарностью за то, что ему отказали, работала Иголкина с людьми.

– Не беспокойте власть пустяками, – любила вразумлять Наталья энцев, атакующих ее кабинет и жаждущих то справедливости, то социальной помощи.

«Черная магия» пустяком не была, и Наташка взяла книгу домой почитать.

Вечером она позвонила мне и страшным голосом сказала, что только что они с мужем сожгли «чертову книженцию». Держать в своем недавно отстроенном двухэтажном доме на две персоны такую нечисть Наталья с Серегой не решились:

– Уж не обижайся!

Я не возражала, но все же поинтересовалась, как горел «адский костер».

– Ты не поверишь, – взволнованно говорила Наташка. – Мы с мужем вынесли книгу во двор и подожгли. А она – не горит! Плаваются листы и только! А когда обложка расплавилась, золы не было! Было какое-то тягучее липкое месиво в

форме... черепа! Мы осторожно сгребли эту гадость в пакет и вывезли за город.

– Закопали хоть?

– Нет. А зачем?

– Верующая ты, Наташка, а не знаешь, что черная энергия только землей нейтрализуется. А так это месиво ветер разнесет по области вместе с информацией, заложенной в книге. Рукописи, в том числе и книги, не горят. Слышала такое?

Это были шутки. Наутро шутки кончились.

Экстрасенс почувствовал утечку энергии, которая ушла вместе с сожженной книгой. Своим третьим глазом или шестым чувством он обнаружил «врага» и пустил мощный энергетический удар. Наташка в этот момент собиралась на работу, надевала платье и пыталась застегнуть на спине молнию. Здоровая деваха, она неожиданно упала навзничь на пол и не могла пошевелиться. Муж кружился рядом и ничего не мог понять, а она – объяснить. Ее словно парализовало. Отлегло только через час.

Я в это же время еще спала. Вдруг увидела сон: экстрасенс идет через мой двор с рюкзаком на плечах. Вид у него решительный, даже можно сказать злой. Внезапно он как будто натывается на какую-то незримую проволоку, преградившую ему путь. И я понимаю: его ко мне НЕ ПУСТИЛИ! Я тотчас открыла глаза. Первой мыслью было: «Каиафе» нашлось противодействие! Я – под защитой! Если бы я уже не знала и не испытала реальных способностей Николая, может

и не обратила бы внимание на этот сон и не связала бы его с ситуацией с Натальей. Но «Каиафа» побудил меня учитывать в жизни незримые аспекты.

Я приехала в свой кабинет и первым делом зашла к Наталье рассказать свой сон. Она встретила меня, как лютого врага.

– Такого со мной никогда не было! Я уверена, что это был удар автора книги, – глаза у Наташки мелкие и не выразительные, но сейчас в очках они были блюдцами, полными непередаваемого ужаса. – Ты должна покреститься! Иначе я с тобой общаться не буду. К тебе всякая нечисть лепится.

Да, на тот момент я была не крещенной. Так вышло. Коммунистическое, атеистическое, сталинистское воспитание моих предков оставило меня без креста на теле. Уже дети мои были крещены, а я все ходила нехристом. После ситуации с «Черной магией» я решила: пора. Словно в ответ на мое умозаключение, в тот же день ко мне на городской площади подошел казак Василий Иванович, которому я помогала брать на абордаж телевышку, выходить в экстремальный эфир и свистать народ на городскую площадь. Сейчас он работал судебным исполнителем и для души писал картины на библейские темы.

– Нам в селе помещение под церковь выделили, бывший сельмаг, – рассказывал мне Василий Иванович. – Так вот, я его расписал.

– Как это?

– Ну, как... Нарисовал иконостас, Христа, оформил церковь... Поехали, покажу, может статью напишешь?

Договорились. С нами поехал еще один казак по фамилии Гребнев. Красавец мужик, который попал в жуткую автокатастрофу и чудом выжил. В церкви батюшка отец Сергей наотрез отказался говорить со мной, пока не покрещусь. Я поняла: это судьба. И покрестилась. Теперь у меня два крестных отца-казака. Кто скажет, что у меня фамилия не та или я не вполне казачка?

С того дня я почувствовала в себе силу. Она и не пустила ко мне разъяренного экстрасенса. Его черная энергия обрушилась не только на Наталью.

На той же неделе удар рикошетом пришелся по Виктору Белову, которому Николай подписал «Черную магию»: он неожиданно попал в больницу с инсультом. На работе у него поднялось давление, Виктор вышел на улицу подышать свежим воздухом и упал. У него отнялась речь. В те же минуты его старший сын – генерал был убит на Украине. Младший – упал с дерева и сломал руку. Дочь – попала с аппендицитом в больницу и еле осталась жива. Экстрасенс забавлялся, стращал?!

И все же я с трудом выдерживала энергетические атаки Николая. Но по мне он пока ударов не наносил. Просто демонстрировал свои способности.

У меня же потребность встреч и общения с ним порой были настолько сильны, что ни о чем другом думать было про-

сто невозможно. То мне казалось, что я люблю этого мерзавца, то вдруг меня остро пронзал страх за свою жизнь, которую, как мне казалось, он пришел разрушить. Но чаще мне просто хотелось его видеть, говорить с ним, находиться под воздействием темных загадочных глаз, в глубине которых едва угадывалась некая тайна, которую мне всенепременно нужно было разгадать... И тогда я звонила в «скорую помощь», где работала моя хорошая приятельница Зина, и просила у нее узик, чтобы съездить в село к Николаю.

Как-то я писала статью о тяжбе Зины с коммунистом-олигархом, который выкинул ее из состава учредителей предприятия. В тот момент Зина лежала в больнице после сильнейшей автокатастрофы, и врачи бились над вопросом: выживет – не выживет? Выжила. А когда вышла из больницы, обнаружила, что олигарх лишил ее акций... посмертно!

Но Зина не унывала. «Рулила» делами станции «скорой помощи» и азартно следила за моими творческими успехами. Почему-то ей казалось, что я непременно должна была начать писать романы. Но мне было не до них. У меня был роман с экстрасенсом.

– Зинуль, можешь дать машину на часок? Надо съездить по делу.

– Да для тебя, дорогая, всё, что угодно!

Такие у нас были отношения...

Через полчаса после общения с замглавы администрации Иголкиной узик «скорой» уже мчал меня по колдобии

нам к Николаю. Зачем? Если бы я знала! Увидеть, поговорить... Это было какое-то наваждение. Чувствовала я себя при этом прелюбопытно – как в замедленном кино. Душа как будто оторвана от тела, ты себя видишь сверху, считаешь шаги, но ты – это не ты. Это не гипноз. Это что-то пострашнее.

– Зачем ты написал «Черную магию»? Зачем ты учишь людей приворотам, зачем вторгаешься в их сознание с черными помыслами?

Я задаю вопросы, почти кричу, а слышу себя как будто из глубины подвала. Он смеется:

– Я даю людям то, что они хотят. Человек стремится властвовать над миром, над обстоятельствами. Что плохого в том, если он этому научится?

– Твоя книга – зло.

– Согласен. Те, кто всерьез верят написанному в «Черной магии», получают через три года развал судьбы.

– Почему через три?

– Это магическое число, необходимое, чтобы там, на небе, в ментальном и астральном планах, оформилось намерение и вернулось обратно в виде ответного удара. Ты же знаешь, что сила действия равна силе противодействия.

– То есть ты учишь людей убивать самих себя? Кто ты после этого?

Николай рассмеялся.

– Не бойся. С тобой этого не случится. Я не дам.

Я испугалась. Я знала, что случится. «Каиафа» приходил не зря. И если он до сих пор не ушел, значит, он все еще рядом. Может, это именно он и есть в материализованном образе экстрасенса Николая?

Не знаю, почему, но Николай сжалился надо мной:

– Я скажу тебе. Никому не говорил, а тебе открою: в книге при внимательном прочтении есть ключ. Найдешь – с тобой точно ничего не случится!... Если я не захочу!

И тихо, противно засмеялся...

Водитель «скорой» Женя терпеливо ждал, когда мы с Николаем наговоримся. Когда я, обессилив от тягостного, но почему-то такого необходимого общения, упала на сиденье машины, Женя посмотрел на меня странными глазами: зачем надо было ехать в эту дыру? О чем говорить с этим явно нездоровым типом?

Через два месяца я заскочила к Зине в «скорую» и столкнулась с Женей.

– Помнишь того мужика, к которому я тебя возил? – набросился на меня Евгений. – Вчера у нас вызов был в то село, срочный. Сообщили, что избит мужчина. Мы с доктором приехали к дому, смотрим – машин несколько стоит – иномарки с тонированными стеклами, во дворе костер горит, а в него какие-то люди в черных масках книги бросают. Из дома вытаскивают целые стопки и – в огонь! Мы с доктором в дом вошли, а там на полу тот мужик лежит, с которым ты разговаривать ездила. Он с вагончика казачьего съехал, и дом

этот купил. Докторша наша его осмотрела, а на нем ни одного шрама, ни единого синяка! А внутренности все отбиты, ребра поломаны. Ему больно, это видно, а он только и твердит: книги! Говорит, дополнительный тираж из Москвы поступил, про магию какую-то, она нарасхват в Энке шла.

А через три года, когда мне самой понадобилась «скорая помощь» в связи с развивающейся гипертонией, приехавшие врачи рассказали просто страшную историю. Оказывается, на днях Зина, которая, как и адвокат Виктор Белов, тоже прочла эту книгу, попала в беду. Но если по Виктору удар пришелся сразу и в трехкратном размере, то по Зине – через три года. Но как!

Она затеяла делать косметический ремонт, купила краску освежить оконные рамы. Попыталась открыть банку с краской – не смогла. Тогда она – грамотный человек! – поставила банку... на газовую плиту и зажгла огонь! Банка взорвалась, краска облила Зину с ног до головы. От сильнейшего ожога пострадало 70 процентов кожной поверхности. Трансплантация не помогала – новая, чужая кожа не приживалась! А еще незадолго до этого дочь Зины была сбита машиной и чудом осталась жива.

После этого сообщения врачей «скорой» мое высокое давление скакнуло еще больше и заклинило на уровне 200/100. Меня отвезли в реанимацию.

Кто были те люди в масках, что жгли во дворе дома Николая «Черную магию», я не знаю. Но думаю, что они молод-

цы. За выборные ли дела они отметилили экстрасенса или за его дьяволиаду, без разницы. Одно не дает покоя: если наши ходоки во власть использовали способности таких людей и их методы для победы и руководствуются ими после выборов, то где мы живем? Не в аду ли? И ох как лукавят политики, когда под «черными технологиями» озвучивают исключительно войну компроматов и отстрел конкурентов. Война на уровне умов и подсознаний куда страшнее и разрушительнее.

И если бы Николай был такой один!

Занимаясь выборными кампаниями с самого начала 90-х, могу сказать, что победителями только на первых порах – до 1996 года – становились борцы за идею, личности, искренне желающие по-человечески обустроить Россию. Потом в ход пошла «черная магия». Штабы кандидатов считали своим долгом содержать в штате людей с паранормальными способностями. Победа – любой ценой! Об обратном эффекте, о злодейском бумеранге не думал никто.

Николай, сам исповедуя демонизм, знал, что за него придется отвечать перед Богом. Он носил православный крест, привезенный ему в подарок кем-то из «соратников» из Иерусалима. Этот крест – довольно массивный, крупный, деревянный, обвивала... змея. Николай в одну из встреч усмехнулся моему недоумению:

– Этот крест означает, что я признаю высшую силу, но уподобляюсь Люциферу.

– Но Люцифер – падший ангел, он был любимым учеником Бога и предал его. Почему ты выбрал такую роль?

Николай потемнел лицом. Его история банальна. Из серии «муж пришел домой, а там... жена, да не одна».

– Ну, я ее и разбил.

– Кого?

– Жену, кого же еще.

– То есть, как – разбил?

– По позвоночнику.

– ???

– Ну, что ты, как маленькая? Не читала, что ли об этом? Женщина стоит к тебе, то есть, ко мне, конечно, спиной, я мысленно посылаю ей мощный заряд энергии в спину по позвоночному столбу и – всё.

– Что – всё?

– Начинается раздвоение личности, болезни, развал судьбы.

– То есть, ты так отомстил? А она об этом знает?

– Догадывается. Но сделать ничего не может. Она же не маг. Она – просто баба.

– О'кей. Значит, с просто бабами ты не церемонишься. Даже с той, которая тебе детей родила. А другого способа решить семейный вопрос ты не знаешь?

– Она причинила мне боль. И за это ответила. А у Бога нет других рук, кроме наших, человеческих. Я был избран ее покарать за прелюбодеяние, за нарушение одной из за-

поведей.

Вот такая идеология с философией.

Николай посмотрел прямо в мои зрачки:

– Ты ведь хочешь меня? Хочешь. Но ТАКАЯ ты мне не нужна. Ты приезжаешь ко мне, находясь под моим воздействием. Ты правильно думаешь, что это я «тяну» тебя. Поэтому я говорю – ТАКАЯ. Я хочу, чтобы ты полюбила меня всей своей душой, именно полюбила. Без страха и сожалений. Твое тело и твой разум без твоей души мне не нужны. И я добьюсь своего.

Будь даже эти слова сказаны самым нежным голосом в мире, я все равно бы окаменела. Потому что нечто внутри меня сжалось от ужаса и приказало: «Беги, беги пока не поздно!».

Николаю нужна была моя душа. Как проводник его черной энергии. Много позже я узнала о существовании понятия «подселение душ», когда разные энергетические сущности внедряются в тело человека и руководят его поступками, всей жизнью по своей воле. Но и тогда, не зная этих эзотерических терминов, я каждой клеткой ощутила вероятный кошмар «любви» экстрасенса.

Не помня себя от страха, я вернулась домой. Я не знала, что со всем этим делать. Если Николай мог приводить к власти Черноворона и прочих, если смог уложить на пол Наташку Иголкину, то я для него – задачка для первоклассника!

Пока наши отношения крутились – с моей подачи и его благоволения – вокруг профессиональной сферы, я могла

быть спокойна. Но дальше?!

А дальше он приехал ко мне домой. На... тракторе. Через весь город. Другой транспорт из села «не ходит».

– Ты нашла ключ в «Черной магии»? – спросил он осторожно.

– Нашла.

– И какой?

В ответ я начала смеяться. Он понял. Смех, искренний и задорный, вот та сила, перед которой рассыпаются черные силы! Феномен смеха прежде всего в том, что он означает неверие в могущество зла, разрушает негативные энергии и высвобождает главную энергию – любви, причем, любви огненной, Божественной.

А ключ в виде слова «смех», вставленного в предложение, я нашла в «Черной магии» методом тыка. Хотя на самом деле этот метод скорее интуитивный и какой-то даже магический. Я им пользовалась, когда хотела получить совет, подсказку, пожелание. Я брала Библию, клала правую ладонь на книгу и мысленно формулировала вопрос. Потом открывала на любой странице и первая фраза, первая строка, на которую падал взгляд, давала мне ответ. Я всегда поражалась его точности, хотя порой не сразу понимала, о чем говорит та или иная фраза. Поняла позже: Библия «работала» с опережением. Предупреждала, советовала, исходя из перспективных событий, которые я, может быть, только угадывала интуитивно.

Так получилось и с ключом. Только на этот раз мне отвечала сама «Черная магия». И не соврала.

– А губернатора Черноворона ты тоже разбивал по позвоночнику? И Энского мэра Теллера?

– Там другое. Я их на выборах «накормил» энергией. Заметила, наверно, какая у них была зверская работоспособность?

– Точное слово. Действительно, зверская.

– Я их столбы позвоночные накачал агрессией и злобой. Без этих качеств в выборную борьбу вступать бесполезно. Выборы – это ведь всегда война. Даже, если она подковерная. Но они шли на это сознательно. Я их предупреждал. Теперь получается, что их личная злоба и агрессия, их амбиции, зависть, тщеславие, самовлюбленность (без которых сегодня тоже лидера не найдешь, эти качества и составляют ту самую харизму), так вот, их личный негатив многократно усиливается за счет дополнительного введения извне новой порции черной энергии. Понимаешь?

– Да их же теперь просто изнутри разорвать может!

– Может. Поэтому они инстинктивно будут искать выход своей энергии. Будут орать, злобствовать, надругаться над людьми, унижать, воровать, даже убивать. Иначе они не выживут, умрут.

– Так я не пойму, в чем твоя идеология? Ты таким изощренным способом, получается, «мочишь» коммунистов – того же Черноворона. Но ведь именно ты и привел их к власти!

Где логика?

– А жить я на что-то должен? Мне за мою работу деньги платят. Хорошие. Не то, что тебе за твою правду. Только я всегда в тени и в почете. А ты на виду и на пинках. Хочешь, пойдём за мной? Научу. Ты – сможешь!

– Ну уж нет, уволь.

– Уволю.

И Николай нехорошо засмеялся.

У меня внутри всё заледенело.

Николай усмехнулся и – ушел.

Пришел он ночью. Во сне. Произнес: «Изведу!».

Я всего лишь отказалась стать его ученицей! А если бы стала на его пути? Не за это ли его избил те люди в масках? Впрочем, что значит, «всего лишь отказалась стать ученицей»? Борьба сил добра и зла идет за каждую душу. Моя же душа восстала. Или устояла. Или, что точнее, приняла удар на себя.

Я уже не нуждалась в подтверждении: «Каиафа» обрел плоть и кровь...

Но не всё коту масленица...

С того дня начался новый отсчет в моей жизни. Душу грызла тоска, я не знала, куда себя деть. Не спасала работа, в которую я окунулась по самую макушку. Предчувствие надвигающейся беды было настолько острым, что однажды я вышла на балкон и в сердцах прокричала: «Господи, что же мне так плохо? Помогите!». Конечно, я не прокричала вслух. Что бы подумали соседи?! Прокричала моя душа, которая металась и не знала, как освободиться от непонятной тоски и муки.

Утром в мой кабинет в мэрии постучали. На пороге возникли мужчина и женщина. Интеллигентные, спокойные, доброжелательные. Представились. У мужчины оказалась та же фамилия, что и у меня. Я не поверила. Он показал паспорт. Дальше началось и вовсе несусветное.

– Ночью был зов, – сказал мужчина. Звали его Сергей. – Мы пришли.

– Какой зов? – не въехала я.

– Ночью вам было плохо. Матушка услышала и прислала нас сказать, что она ждет вас к себе.

Я подумала, что начинаю сходить с ума. Я ночью действительно кричала. Но – МОЛЧА! И никаких матушек ни подомной на восьмом этаже, ни на крыше и близко нет.

– Вы, простите, о чем? – тарасила я глаза на неожиданных

и странных посетителей.

– Алена, вы все поймете, когда приедете на встречу с матушкой.

– А с чего вы взяли, что приеду?

– Она вас видела.

– Где?

– Алена, прекратите паясничать. Вы общались с черным магом, мы это видим. Значит, вы должны понимать, что есть и силы светлые. Вам вчера было плохо, вы нас позвали, мы услышали. Вот и все. А матушка видела вас – она ясновидящая. Так вы поедете? Она живет в Пятигорске. И мы оттуда.

Во мне сработал журналистский интерес:

– А если я потом статью напишу? О вашем внезапном визите, об этой матушке? Или это не для печати?

– Очень даже для печати. Она готова. Нам нечего скрывать. И ломать ваш диктофон никто не будет.

– А причем здесь диктофон?

Я осеклась. Неужели эти странные незнакомцы увидели в моем энергетическом поле и этот финт Николая?

Мы договорились о встрече назавтра. Сергей ждал меня на автовокзале Пятигорска. Матушка жила неподалеку. По дороге мы много говорили. Я пыталась вывести своего спутника «на чистую воду». Если честно, то страх во мне был. «Вот, дура, набитая. Иду неизвестно куда, неизвестно с кем. И, главное, выйду ли из этой неизвестности живой и здоровой?».

– Выйдешь. Не бойся, – Сергей тоже умел читать мысли.

Дверь квартиры нам открыла старушка, Екатерина Федоровна. Я обомлела. Она была как две капли воды похожа на мою бабушку, Анну Федоровну, которую мы похоронили три года назад.

– Да, мы с ней были сестрами. В прошлых жизнях, – сказала хозяйка.

Это было уже слишком. Я наотрез отказывалась верить происходящему и щипала себя за разные места, чтобы убедиться, что я еще не труп.

Матушка усмехнулась в ответ на эти мысли и тяжело вздохнула:

– Что же это за порода такая человеческая? В плохое поверить – это запросто. А как только дело доброе, отклик сердечный, так сразу «Как бы чего не вышло! Не подвох ли?». И не понять людям, что именно так нечистый и отвращает людей от света, запугивает...

Так. Похоже, мне с этой минуты следует «фильтровать» не только слова, но и мысли. Я внимательно осмотрелась в квартире. Увидев повсюду стоящие иконы, успокоилась.

Екатерина Федоровна оказалась изумительным человеком. Ее муж, известный профессор одного из курортных вузов недавно умер, а сама женщина была недавно сбита летящей на огромной скорости машиной. От мощного удара, будучи в возрасте 72 лет, Екатерина Федоровна мешком перелетела через улицу и упала на асфальт. В реанимации ее сло-

жили по кусочкам, не рассчитывая, что она выживет и тем более, начнет ходить.

В больнице после множества операций она безмолвно лежала у окна. Ныло тело, лопалась голова. Был поврежден позвоночник, кости рук и ног, вилочковая железа, мозжечок. Екатерина Федоровна от боли не хотела жить. Ночью она смотрела на звезды. Одна из них горела, казалось, по-особому ярко, словно подмигивая, ободряя. Старушка вперилась в нее взглядом и мысленно, со всей оставшейся в теле страстью, попросила: «Помоги. Мне так больно!». Что произошло в этот момент, объяснить невозможно. Но звезда мигнула, от нее изошел яркий луч. Он пронзил голову Екатерины Федоровны, что-то щелкнуло у нее в мозжечке. Она тут же потеряла сознание.

Врачи решили, что старушка умерла. Оповестили родных. Те начали готовить похороны. А в это время Екатерина Федоровна, точнее – душа ее, билась в палате над головами живых, стараясь докричаться до них: «Не спешите закапывать мое тело! Я еще вернусь, скоро вернусь!».

Когда тело «усопшей» начали поднимать с кровати и перекладывать на носилки, она пошевелилась. Санитары чуть не выронили носилки, стараясь одной рукой перекрестить лбы, а другой удержать ставшее вдруг тяжелым тело.

– Куда это вы меня? – хитро подмигнула врачам и санитарам Екатерина Федоровна.

Ее внучка упала в обморок.

С этого дня старушка пошла на поправку. И стала ясновидящей. Более того, она стала улавливать особые космические энергии. Она это называла «выходить на связь». После полуночи женщина садилась к печатной машинке и начинала стучать. Пальцы сами отбивали дробь, она порой и не вдумывалась в смысл того, что печатает. Спать ложилась часа в четыре-пять утра. Перечитывая, проснувшись результаты ночных бдений, дивилась: ей шла информация с другой цивилизации. Обращение населения других планет к землянам.

Буду откровенна: я в это не верила. Ясновидение, яснослышание, гипноз, материализация мечты, сила мысли, даже «разбивание по позвоночнику» я теоретически понимала, представляла, могла объяснить с точки зрения логики, психологии, био-космоэнергетики, но другие цивилизации... Это было слишком. Мой ум отказывался воспринимать такую информацию. Куда проще было отнести эту часть рассказа на счет перенесенного стресса Екатерины Федоровны и остаточных явлений трагедии.

– Зря ты так, – сказала мне она. – Конечно, сегодня еще не время для осмысления такого рода информации. Люди не готовы. Но лет через пять-семь приветы с других планет станут так же естественны, как интернет и электронная почта.

Мой зов, мою душевную боль в тот вечер, когда я своей мятущейся душой обратилась к небесам, Екатерина Федоровна услышала в момент приема информации из Космоса.

Надо сказать, что до аварии она никогда не печатала на

машинке. Впервые села за нее, когда вышла из больницы. Пальцы сами застучали по клавишам, словно знали расположение букв на клавиатуре всю жизнь. В момент приема космического послания в машинально набираемый текст вторглось нечто, что заставило Екатерину Федоровну внимательно присмотреться к уже напечатанному: «Господи, как мне больно! Помоги!». Старушка в тот же миг приостановила работу. Поступающая из Космоса информация деликатно отстранилась, дав возможность Екатерине Федоровне вчитаться в выбивающиеся из общего контекста мои слова. Она закрыла глаза, увидела дом, балкон, меня. Я в ее видении была опутана черной сетью, из-под которой мерцало розовато-зеленое пламя. Она поняла, что мне нанесен энергетический удар по области чувств, по сердцу, по судьбе. Чтобы ни я не могла любить, ни меня. Чтобы то, что составляло суть и смысл моей жизни, разбилось вдребезги, а сама жизнь превратилась в одну нескончаемую пытку.

Кто это сделал? Материализованный «Каиафа» – Николай?

Вдвоем с Сергеем, оказавшимся доцентом Пятигорского вуза и учеником Екатерины Федоровны, они начали меня лечить. По... позвоночнику. Значит, все-таки – Николай.

Я стояла спиной к своим целителям, а они жгли свечи и молились за меня. Чужие люди, впервые встреченные на моем пути, встреченные столь неожиданно и даже мистически, приводили в порядок мои тонкие тела. Тогда, в 98-м году,

это было не просто фантастикой. Если бы в своей последующей после этого визита статье я описала эту часть нашего общения с ясновидящей, и меня, и ее с Сергеем сочли за ненормальных. Это сегодня разные био-космоэнергетические школы и течения дают практические и теоретические знания – только пожелай! Но тогда...

Я почувствовала сильнейшую усталость и уронила свое тело на стул. За окном стоял декабрь, сумерки. Света в комнате не было. Свечи погасли. Екатерина Федоровна откинулась на диване. За ее спиной в ряд стояли иконы. Я остановившимся взглядом смотрела на них. Вдруг... Как бы это объяснить...? Иконы зажглись! Они стали объемными, как в стереофильме. И все пространство вокруг старушки стало розовым. В него были вкраплены блики фиолетового, желтого цветов. Причем таких оттенков, какие увидишь разве что на полотнах Николая Рериха. Я разглядывала иконы и не понимала, почему я вижу их ТАК – отчетливо и ярко. На сердце было легко и как-то восторженно. Екатерина Федоровна смотрела на меня и улыбалась. Наконец я поняла, что мы сидим в сплошной темноте в смысле электроэнергии, а свет источают иконы – Богородицы и Иисуса.

– Что это было? – Я была поражена эффектом.

– Ты же хотела знать, что такое ясновидение? Вот тебе показали, что и как можно видеть.

– Да, но я видела иконы. А не будущее, не прошлое, не мысли, не образы...

– Ты торопишься. Розовый цвет, которым сейчас всё было залито, означает, что тебе разрешили вернуть право на любовь, отнятую черным магом. И знаешь, почему разрешили? Потому что...

– Потому что я отказалась стать его ученицей?

– Не только. Ты сделала свой выбор раньше. Когда отказалась даже читать его книгу. Поэтому тебе помогли быстро найти ключ. Чтобы грязная информация из книги не проникла в твоё сознание ни одной буквой! Пройдет время, и ты сама напишешь книгу. Прошу тебя, будь честна в ней до конца. Я не доживу до тех дней. Но я всегда буду рядом. А теперь иди. Больше мы не увидимся.

– Но почему? – Я была в шоке. – Мне так хорошо с вами!

– Ты должна пройти свой путь сама. Сейчас мы помогли тебе. И потом на твоём пути будут встречаться самые неожиданные люди, которым предназначено помогать тебе. Тебя ждут испытания. Ты будешь предана и оклеветана. Но не бойся. Так надо. Это поможет подняться на другой уровень развития. Ты это заслужила своей прошлой жизнью. И помни, все враги, которые встретятся тебе на пути, на самом деле – не враги, а учителя. Люби их.

Мне было жалко и больно покидать Екатерину Федоровну. Я многого не могла понять из сказанного ею, страшило будущее. Мне хватало испытаний в моем сегодня. Я была уверена, что строю свое завтра добродетельной жизнью и честным трудом. Но оказывается этого мало и для счастья,

и для выполнения некой особой миссии, с которой человек вообще приходит в эту жизнь.

Мне предстояло научиться впускать в сердце радость, праздник, фейерверк даже тогда, когда обстоятельства этому на первый взгляд никак не способствуют. Научиться любить себя и других. Но других – через накопление некой массы любви внутри себя и к себе, чтобы после щедро делиться ею с окружающими. Ведь если внутри человека пусто, нет любви и радости, то чем же он поделится? Что отдаст, кроме негатива, с накоплением которого ни у кого из нас в нашей непростой жизни нет проблем...

Я возвращалась в Энск со сложным чувством. Впервые вот так зримо я соприкоснулась с двумя полюсами нематериального мира, который олицетворяли Николай и Екатерина Федоровна. Интересно, что пришли они в мою жизнь один за другим, но чернота шла первой. Зачем? Не затем ли, чтобы выбор между добром и злом был осмысленным? И нет ли здесь некой Божественной закономерности? Например: светлые силы приходят очищать то и там, что и где замусорила нечисть. Или, выражаясь проще, день сменяет ночь, и если бы на Земле всегда был день, люди бы не умели ценить его...

Я смотрела на лица людей и думала: а все ли знают, зачем пришли на Землю? Наверно, в младенчестве знают. Точнее, помнят наказ Отца небесного. Но тогда почему груднички так много плачут? Бунтуют заранее, не хотят земных испытаний?

Мой младший сын не плакал совсем. Только смеялся. Даже, когда его всего разьедал диатез. Он смеется с тех пор постоянно. И растет, слава Богу, везунчиком. Старший плакал много, месяца три. Потом стал каким-то серьезным, взрослым. Есть такие дети. Они, как старички малолетние. С глазами умудренных жизнью людей. И веселье у них не детское. Обреченное, что ли. Старший по Зодиаку Змееносец. Это несколько дней в промежутке между ноябрем и декабрем. Такие дети по утверждению космоэнергетов – особые. Они присланы на Землю со сверхзадачей, с важной, глобальной миссией. Как только змееносцы исполняют ее, их быстро забирают обратно. ТАМ они нужнее. Жутковатая информация для матери. Но, глядя на своего старшего сына, на его безудержное стремление «наесться» жизнью, все успеть, оценивая его блестящий ум и способности, я всегда чувствовала некое особое его предназначение. Видела – и боялась. Уж лучше был бы, как все. Но ни мы, матери, ни гены наши и наших мужей над этим не властны...

А предназначение... Моя мама уверяет, что первым моим словом было слово «писать». И я писала, еще не зная букв, на стенах квартиры и подъезда, на асфальте. В школе мне хотелось написать что-то значимое, важное, но, не имея жизненного опыта сделать это было трудно. Мои сочинения читались учительницей вслух и во всех классах. Хотя я далеко не всегда прочитывала программные произведения до конца. Я просто чувствовала героев и представляла, как тот или

иной характер поведет себя в конкретной ситуации, что скажет, что подумает. Получалась аналитика с публицистикой в детском варианте. В литературный институт им. Горького с такой базой не поступишь. Да я и не пыталась. К тому же любимая учительница впаяла мне в аттестат «четверки» по русскому и литературе. Тогда для меня это был в высшей степени шок, результатом которого стал отказ учиться в гуманитарном институте и мое поступление в политехнический. И, кстати, весьма успешное его окончание.

Математика «поставила» мне мозги. Сейчас я понимаю, что высшие силы в те годы уберегли меня от более серьезного разочарования, которое могло не дать мне исполнить своего предназначения – писать. Ведь если бы я не поступила в литинститут, а я бы не поступила, так как у меня, школьной выпускницы, не было публикаций, да и не столичных абитуриентов Москва всегда не жаловала – я бы «забила» на творчество. Ведь даже после «четверок» в аттестате я три года не могла заставить себя ни читать, ни писать. Я не могла даже видеть печатные буквы! Так глубока была обида на любимую учительницу. А причиной сниженной оценки явилась ее неуверенность, что я смогу получить «пять» на вступительных экзаменах. Бред. Однако же я в единственном числе и получила «пятерку» за сочинение в политехе, написав его к собственному удивлению в стихах.

В Энске я по закону жанра не должна была заниматься журналистикой. Туда я приехала из Казахстана по распреде-

лению после института инженером-механиком на завод. Однажды ноги принесли меня в редакцию заводской многотиражной газеты. Дух редакции, хотя в ней и сидел один-единственный человек, полковник в отставке, мгновенно заполнил мое существо странным томлением. Зачесались ладони. Я поняла: это – оно. То, что надо. Отсюда и стартовала.

На подступах к Голгофе

– И как Леночка будет жить, если Бородинов проиграет выборы? Что с тобой будет?

Толик – мент. Моя судьба его заботила с того момента, как он впервые увидел меня 15 лет назад. Два года наблюдал за мной со стороны, а потом пошел «на абордаж». Стал другом семьи. Учил жизни. Капал на мозги. Фамилия Бородинова ему не давала покоя. И не только ему.

Феномен Бородинова, главы администрации Энска, бывшего председателя горисполкома заключался в его харизме. Он умел, властвуя, маневрировать и давить одновременно. Он был продуктом своего времени – умелым чиновником, идеологом и не слишком образованным человеком. Но он умел учиться и видеть знаки судьбы во всем. Даже тогда, когда этих знаков не видело большинство окружающих.

Когда Михаил Горбачев объявил перестройку, Бородинов приехал в гнездо коммунистов – на арматурный завод. Ему предстояло объяснить парторганизации, куда подевалось из продажи сливочное масло, стиральный порошок, мыло и колготки. Вместо пламенной речи об угрозе устоям коммунизма и клеймения «дерьмократов», Бородинов повел речь о неотвратимом периоде частной собственности, фермерстве и новом политическом мышлении. На дворе был январь 1991 года. Парторганизация безумствовала, Бороди-

нову не давали говорить. Я тогда работала редактором партийной многотиражки и должна была освещать процесс пригвождения Бородинова коммунистами к позорному столбу с позиций парткома. Но я применила принцип плюрализма. Показала две точки зрения, не оспорив Бородиновскую, а приняв ее как данность. Это было дерзостью неслыханной.

После выхода статьи партком вымер на два дня. Потом из всех углов Энска потянулись старички с палочками с требованиями: Бородинова – на «ковер» бюро крайкома, меня – вон из газеты.

Бородинову такая постановка вопроса была кстати. Он уже чуял, что настало время зарабатывать политический капитал на скандале и распрях с КПСС. Меня от расправы он спас вместе с секретарем заводского парткома Томиловым. Почему парторг сделал это, не знаю. Вероятно понимал, что времена грядут действительно иные.

После той статьи и нашествия дедушек с партбилетами, многие из которых использовали свое членство в партии как право на льготы и преференции в виде получения жилья, земли под дома и дачи, автомобилей, «левых» талонов на мыло и колготки, я позвонила в приемную Бородинова и предупредила о готовящейся против него акции. Бородинов назначил мне встречу.

– Входи, – сказал он, едва я ступила на порог его кабинета. – Надо создавать свою газету. Независимую. Берись, я помогу. Сроку тебе – месяц.

Ровно через месяц я выпустила первый номер «Независимой Энской газеты». На пустом месте. В глухой провинции, в регионе, где на тот период не было даже факультета журналистики в вузах. Найти людей, мало-мальски владеющих пером, было сложно. Я брала работников с улицы. Выбирать было некогда и не из кого. Довольствовалась тем, что человек любил писать и кое-что смыслил в местной «кухне». Бородинов помогал. Мы не знали никаких проблем с зарплатой, получали ее в отличие от очень многих городских структур, что называется, день в день.

То было время эйфории. Мы могли всё, мы говорили всё, нас читали, мы были свежей струей в затхлом пространстве чиновничества, лести и лживости, составляющих основной психологический фон мелких городков.

Наверно, я работала слишком хлестко, слишком нетипично, кусалась слишком больно. Ведь женщине на Кавказе, в «красном» регионе полагается молчать и ходить глаза долу вне зависимости от профессии. Но когда женщина такие правила игры не приемлет, и публично любопытствует на предмет внезапного банкротства предприятий или целых банков, когда своим пером и логическими выводами раскрывает тайны мужских игр и бьет покарманам, она перестает быть женщиной.

Потому что однажды, после кулуарных сплетен, что с этой Феникс пора что-то делать, Бородинов объявил мне:

– Пойдешь работать ко мне. Газета себя уже изжила.

Как в воду глядел. «Независимая» умерла с моим уходом. Бородинов сделал ставку на телевидение. К тому времени тот канал, с которого мы с казаками выходили в свой скандальный эфир, был закрыт. Его хозяева не смогли дать ума самому мощному и эффективному СМИ. Бородинов заполнил нишу, предоставив новому телевидению «Логорифм» помещение в здании администрации. Это случилось 8 марта 1993 года. Как подарок. Впрочем, точно – подарок.

А спустя несколько месяцев он объявил:

– Иду в Думу. Решил.

«Бодаться» с коммунистами было непросто. Но мы победили. Я тогда отработывала имиджевую технологию, которая в те годы только начинала практиковаться – политическую рекламу и пиар. Никаких экстрасенсов, чернухи и вранья, зомбирования и накачки энергией. Только экспрессия, зажигательные речи, вера и чистые помыслы.

Благодаря этому Бородинов уже будучи харизматической личностью демократического окраса предстал перед народом еще более выигрышно. Он был хорошим учеником: за краткий предвыборный период научился точно расставлять акценты и чувствовать аудиторию. Его слушали как Остапа Бендера перед васюкинцами, раскрыв рот. Он упивался собой и новым временем, и впитывал в себя все, что советовала и говорила я. Он верил мне, а я... Пожалуй, да, я любила его и работала с ним самоотверженно и даже самоотреченно. Чувство помогало мне вести его к победе.

На утро после выборов он вызвал меня к себе в кабинет. Там сидела редактор главной областной газеты «Ставропольская правда» Марина Коркина. Она приехала поздравить победителя. Бородинов обнял меня и сказал, что 80 процентов его победы – моя заслуга. Он об этом помнил всегда.

И вот теперь, когда Толик ядовито спрашивал, как я буду жить, если Бородинов проиграет следующие выборы, в его вопросе была железная логика: моя семья на тот момент уже была разрушена, а стало быть, «стены», чтобы спрятаться в случае поражения любимого шефа, не было. Да и работать в городе, где каждый с удовольствием будет тыкать вслед пальцем, что ты была помощником того самого Бородинова, «развалившего партию», и добавлять шепотом «и любовницей» – приятного мало.

Насчет любовницы смею разочаровать: не была. Мне нужно было или всё, или ничего. Но Бородинов был женат. И попутно увлечен не мной. К тому же два года пребывания в первой Думе сделали его иным человеком. Мои слова, что политический капитал растерять проще, чем накопить, он перестал слышать.

За полгода до выборов в Думу второго созыва он все же умудрился набрать очки в связи с событиями в Буденновске. В июне 1995 года Бородинов вместе с другими депутатами сел в первый автобус колонны боевиков, покидавших расстрелянный город. Это Бородинов имел телефонный разговор с тогдашним премьер-министром Черномыр-

диным, транслировавшийся на всю страну. И тогда решил, что для укрепления имиджа и вторичной победы этого достаточно. Впрочем, интуитивно он чувствовал, что может проиграть, поэтому долго колебался, стоит ли ввязываться в очередную гонку за мандатом, и о своем решении баллотироваться во вторую Думу объявил за несколько дней до окончания регистрации кандидатов. И проиграл.

Он не был готов к новым технологиям – подтасовке голосов, подкупу избирателей, к согласованию своей кандидатуры в областных верхах. Он хотел пройти напролом как в первый раз. Но коммунисты к 1995-му году стали умнее и готовились к выборам серьезнее. Они шагали из дома в дом, «от уха к уху» там, где Бородинов пытался с экрана телевидения донести демократические идеи, ставшие к этому времени не просто непопулярными, но ругательскими. И поражение Бородинова было в сущности осколком поражения системы ценностей, которая не смогла укорениться в обществе по той же самой причине переоценки самозначимости отдельных личностей.

Да, без Бородинова мне было неизмеримо труднее. Я оставалась один на один с системой, в которой являлась чуждым элементом, инородным телом. Но хуже всего было то, что я оставалась лицом к лицу со своим главным недругом Ильей Теллером.

Это редкий типаж, который в советские годы был просто немыслим на высоких руководящих постах. Илья – роль

второго-третьего плана, требующая регулярных пинков. Его правая рука никогда не знала, что делает левая. С виду он казался просто душкой: милая улыбка, очки на носу, заискивающий взгляд. В какого же монстра он превратился, вкусив власть первого лица! И этого человека «породил» и «повесил» на шею Энска никто иной, как тот же Бородинов.

Дело в том, что, уходя в Думу с должности главы администрации города и района, Бородинов оставил «на хозяйстве» своего зама Илюшу. Скромнягу экономиста-плановика. Предполагалось, что в случае форс-мажорных обстоятельств типа поражения на выборах Бородинов вернется в свое кресло главы. Не тут-то было. Надобность возникла, но Илюша уступать кресло не захотел. Бородинов ушел в бизнес, в котором ничего не смыслил. А его верный зам намертво прирос к мэрскому креслу.

Илья меня ненавидел всеми фибрами души. Так получалось, что его при мне неоднократно «драли» вышестоящие чиновники. Однажды в студию «Логорифм» на прямой эфир ко мне приехал глава региона Кавказских Минеральных Вод Алексей Кулаковцев, ныне спецпредставитель президента в одной из республик Северного Кавказа. Кулаковцев без преувеличения слыл самой колоритной и перспективной личностью, был дружен с Бородиновым. Эти два рослых, спортивных, красивых, нестандартно мыслящих мужика, одним своим видом бросали вызов Ставропольчине, для которой образ первого лица непременно ассоциировался с отвислым живо-

том, красным лоснящимся лицом и бегающими, заискивающими глазами. Кулаковцев пришел в студию, минуя кабинет Ильи Теллера. О прибытии своего шефа Илюша узнал из телевизора уже во время начала передачи. Для него это был шок. Он метался по кабинету и кричал, что порвет меня на куски. В джентльменстве и пунктуальности главы региона Кулаковцева мэр Теллер усмотрел личные происки журналистки Феникс. Самое скверное было то, что до перерыва в вещании, до первой рекламной паузы, Илья не мог попасть в студию, которая находилась у него, простите, под задом – двумя этажами ниже. Когда же путь в студию был открыт, Илья предстал перед Кулаковцевым в виде послушного и слегка обиженного мальчика для битья, на котором сломались розги: глава курортного региона битый час выпускал пар, отвечая в прямом эфире на вопросы энцев по поводу безобразий в коммунальном хозяйстве, в сфере социального обеспечения, то есть по сути отвечал за огрехи мэра.

Теллер стоял навытяжку, опустив голову, подарив мне один выразительный по своей убийственности взгляд. Что означало: «Свою игру ведешь? Против меня? Всё, Феникс, держись!». Не вела. Просто работала. И не считала необходимым согласовывать с главой города кандидатуры участников своих передач.

Жаль, что вскоре на перспективного Кулаковцева окрысилась теневая областная элита и буквально «закопала» его. Сначала был состряпан президентский указ об отстранении

Кулаковцева от должности за нецелевое якобы использование бюджетных средств – денег из федерального бюджета, вырванных с кровью для развития региона и розданных под проценты руководителям перспективных отраслей народного хозяйства. Деньги нужны были всем. И тогда Кулаковцева разве что не носили на руках. Но отдавать деньги не захотел никто. Многомиллионный кредит окрестили «кредитом Кулаковцева» и повесили на его шею. Потянулись судебные дела, потом умница Кулаковцев, выиграв все суды и разорив попутно несколько газет, поспешивших обвинить его в «нецелевке», уехал из области. Правильно. На Ставрополье иная шкала ценностей...

Однажды Теллер, которому я досталась от Бородинова в качестве помощника по связям с общественностью, вызвал меня в кабинет. Он очень хотел, чтобы я предоставляла ему полную информацию о том, что и с кем говорит Бородинов, с кем встречается, какие бумаги я за него подписываю. А это действительно имело место. Бородинов почти все время был в Москве, а народ шел к нему валом в Энске – беженцы из Баку и Душанбе, из Чечни, спитакские страдальцы, кого только не было. И у всех проблемы – прописка, жилье, работа. Бородинов разрешил мне самостоятельно принимать решения. Я и принимала. И депутат, и избиратели были довольны. Не доволен был один Илья. Он хотел видеть меня в амплуа стукача и любовницы одновременно, сидеть в кресле своего бывшего шефа Бородинова, рулить городом и ни за

что не отвечать.

Отношения обоих моих шефов из деловых и доверительных постепенно стали напряженными. Поводов было достаточно. Разные политические лагеря: один – демократ, другой – коммунист. Разные взгляды на местное самоуправление: один – за, другой – резко против. Разное видение политических перспектив друг друга: Бородинов видел Теллера исключительно своим замом, Теллер видел себя мэром, начисто исключая Бородинова из сферы своих интересов. А тут еще я. Теллер «прессовал» меня, Бородинов деликатно, но твердо ограждал от нападков. В его отсутствие я мужественно сносила удары одного и никогда не жаловалась возвращавшемуся из Москвы другому, была помощником обоих, пытаясь в работе двигаться в двух направлениях одновременно. Ситуация была дурацкая. Я застряла между двумя облаченными властью мужчинами, одного из которых любила, а другого терпела.

И вот теперь в ответ на завуалированный приказ докладывать обо всех деяниях Бородинова я не выдержала:

– Илья Михайлович, между вами с Бородиновым огромная пропасть возникла. Я сижу в шпагате над этой пропастью. А вы одну мою ногу со своего края сталкиваете. Вы хотите, чтобы я полетела вниз? Зачем это вам?

Илья пулей вылетел из-за стола:

– Как ты хорошо сказала! Как правильно!

В этом был весь Илья.

После этого разговора телевидение «Логорифм» приказало долго жить. Илья сначала отобрал помещение у студии, потом прекратил финансовую помощь. Работать со СМИ, просвещать население он не хотел: меньше знают, крепче спят. В моду опять вошли кулуарщина, замалчивание проблем, тактика двойных и тройных стандартов, забытые при Бородинове.

Вскоре из Пятигорска в Энск приехала съемочная группа областного телевидения. Обо мне снимали коротенький документальный фильм. Мне надлежало красивой походкой пройти по площади до мэрии. Ветерок теребил волосы и вздымал полы розовой шелковой мини-юбки, я жмурилась от слепящего солнца и – нос к носу столкнулась с Илюшей. В компании двух престарелых граждан он тормознул меня, закрыв обзор оператору с телекамерой, и традиционно, как обычно без малейшего повода, заорал:

– Что ты себе позволяешь? Я выгоню тебя из кабинета!

И пошел прочь. Я оцепенела. Подлетели оператор с журналисткой:

– Что случилось?

Я нацепила на лицо безмятежную улыбку и сказала, что мэр не в курсе идущих съемок и подобросил мне на ходу новую тему, которая его крепко озадачила. Журналистка облегченно вздохнула, оператор ушел на исходную позицию, я повторила красивую проходку по аллее к мэрии. Что творилось в моей душе, не узнал никто. Как я и сама не поняла, о

чем опять орал и чего от меня хотел этот странный мэрик.

Самое удивительное, что повода в чем-то меня обвинять у него не было ни малейшего. Я только что вернулась из отпуска и «насолить» Теллеру чем-либо просто физически не успела. Впрочем, врачи говорили мне, что у него ассоциативное мышление. Это как болезнь. Каждая клетка эмоционально нездорового организма запоминает реакцию на какое-то будоражащее событие или объект и впоследствии выдает эту реакцию всякий раз, когда больной видит этот объект или попадает в аналогичную ситуацию. Иными словами, синдром «красной тряпки». Так Илюша реагировал на меня. Так неуравновешенный человек инстинктивно чувствует неподвластную ему силу и стремится поработить, уничтожить ее носителя. Ему было мало лояльности и внешне уважительного отношения, ему мало было даже огромной дистанции и полного прекращения контактов. Ему было необходимо дозветь. В каждом моем слове – печатном или эфирном – он выискивал подвох и подтекст и втайне мечтал с позором изгнать меня сначала из кабинета в мэрии, которую он считал своей собственностью, а после и из города. Он чувял, что я не люблю его родной Энск, и был абсолютно прав. Этот город рождал во мне тоску и отвращение. Я считала, что отбывала там 20-летнюю каторгу.

Энск – древний городишко, население которого делится на две почти равные части: тех, кто только что освободился из мест заключения, и тех, кто вот-вот туда отправится. Не

случайно именно в Энске в середине прошлого века состоялся первый всесоюзный съезд воров в законе.

На территории Энского района расположились сразу несколько тюрем и колоний всесоюзного значения. Их обитатели по окончании сроков оседали тут же. Места – почти курортные, недалеко Домбай, Теберда, Кисловодск, Приэльбрусье... Чем не жизнь? В городах-курортах бывших экзков, конечно, не прописывали, а в Энске – с дорогой душой. Тут были промышленные предприятия всесоюзного значения, вредные производства и кому, как не освободившимся из мест заключения, занимать здесь рабочие места. Потому и из учебных заведений в Энске со времен царя Гороха были только ПТУ и пара техникумов. И хотя в последние годы сии учебные заведения гордо переименовались в колледжи, а на территории города появился косо́й десяток филиалов вузов, суть осталась прежней – образовательный, интеллектуальный уровень Энска низок чрезвычайно. Даже развал Союза и приток русских из бывших республик не сильно изменили интеллектуальный и культурный фон города. Беженцы из Средней Азии, Закавказья, Чечни, будучи генетически более приспособленными к жизни в нетитульных регионах, не могли адаптироваться в российском Энске.

– Здесь какой-то другой, непонятный народ. Каждый норовит тебя объегорить, – делились русские из Грозного.

Да что ж тут непонятного? В Энске просто действует кланово-родственный принцип существования. Для того чтобы

здесь жить и работать, надо быть принятым либо в ряды национальной диаспоры, либо в семью с глубокими энскими корнями. Неважно, какими – алкоголическими, наркоманскими, преступными, компартийными, трудовыми... В противном случае ты навсегда будешь здесь чужаком, какой бы вклад в развитие экономики, политики, культуры Энска ты не внес.

Доказательства такого утверждения похоронены на городском стадионе. Здесь под травяным покрытием находится братская могила. На ней каждый День города топчется под бесноватую музыку толпа нарядных горожан, клянутся служить на благо всей Ставгородской области доморощенные политики. Сколько человек похоронено и от чего они умерли? Об этом известно немного. По свидетельству старожилов, похоронены на стадионе коллежские асессоры и прочая интеллигентская братия, которая не могла ужиться ни с народом Энска, ни с его моровым климатом.

А ведь был лет 200 тому назад Энск первой столицей Ставгородчины! Расположенный в яме между гор, этот городишко всегда накрыт туманом, а в славную компартийную пору, когда провинция финансировалась по остаточному принципу, утонул в болотах и грязи. Еще Энск славен тем, что в 5–4 в.в. до н. э. скифы использовали его окрестности для захоронения погибших от рук темных сил соплеменников. По сей день Энск славится своей «чертовщиной» – большим количеством гадалок, ворожей – и притягивает к

себе людей с паранормальными способностями.

Кстати, про Илюшу в городе открыто говорили, что он обращался к бабкам-колдуньям за получением черной силы. Был период, когда Илья заметно чах, болел, лежал с гипертонией и инфарктом в больнице. Потом в один миг вдруг стал здоровым и красивым, помолодел и ринулся в политические бои с норовом 30-летнего мужичка, хотя на самом деле справлял «полтинник». Интересно, но в это же время в семье Ильи возникли проблемы: лишилась почки дочь, занаркоманил родственник, умственно стал отставать внук. Понимал ли, с чем это связано, карьерно устремленный мэр? Что таким образом близкие платят по его счетам? Вряд ли.

А вообще Энску, конечно, есть, чем гордиться. Он лежал в центре Великого шелкового пути. На площади, где сегодня с протянутой в будущее рукой стоит памятник Ленину, бушевали пышные ярмарки. Сюда любили наезжать грузинские князья. Отдавая честь городу-крепости, защищавшей южное порубежье от набегов черкесов, отпрыски знатных родов заезжали в казачью Никольскую церковь, сборно-разборную, без единого гвоздя и без фундамента, но убранную с царским величием и роскошью. Куда коммунисты подевали золотые оклады древних икон и где, в каких праведных боях с черкесами их брали кочевые казаки, архивных свидетельств нет. Энск умело прятал концы в болото. Поговаривают, что исторические документы, летопись судьбы древнего города хранились в другой церкви, которую во время окку-

пации взорвали фашисты. Буйствовали они в городе изрядно. Притом, что подполья с Энке не было. Напротив, жители его окрестностей прославились тем, что приветствовали оккупантов белым конем с попоной. Что не мешало фашистам истреблять мирное население.

После войны Энск долго не мог оправиться. В начале 80-х годов основная часть населения всё еще жила в хатках с земляным полом, в грязных общагах и работала в литейных цехах арматурного завода. Жилье здесь почти не строилось. Основой существования была идеология ленинизма. Ее боялись не меньше оккупантов. Главным принципом существования было не сметь свое мнение иметь. Малограмотные и плохо образованные люди были дешевой рабочей силой вредных производств, рабами горстки партбоссов, сидящих в местном белом доме. Их ненавидели и в их ряды стремились. И ненавидели тем сильнее, чем более были удалены от них.

Энск можно было бы назвать городом нищих, но вот ведь, что странно. При низком уровне жизни, который стал особенно нагляден в перестроечный период, деньги здесь были почти у всех. Уже не платили вовремя зарплату, волна за волной шли дефолты с инфляцией, уже закрывались производства, мыльными пузырями лопнули несколько банков, казалось, еще немного и город ждет социальный взрыв. Ничего подобного. По сей день при фактически нулевой занятости населения самые новые модели автомобилей, в том

числе и иномарок, появляются именно в Энске и на душу населения их приходится больше, чем в других городах области.

Разросся частный сектор. На дома-дворцы просто залюбуешься. И это после сторевающих «в чулках» миллионов! Такое впечатление, что каждый истый горожанин только и ждал возможности обналичить некие закрома, чему коммунисты со своей идеологией препятствовали. Этому феномену удивляются все пришлые люди. Потому что «делать деньги» в этой «дырке от бублика» негде. Свиньи во дворах, голуби, дачные участки, куры и яйца, пасеки – это лишь доход, прибавка к пособию по безработице, но никак не капитал. На одних яйцах хоромы не отстроишь. И не могли все энцы скопом ограбить местные банки – «Агропромбанк», «Кредо», «Проминвест». Деньги отсюда растащили по карманам единицы.

«Фишка» же в том, что генетически коренные энцы – асы по деланию денег из воздуха. «Украл-сел-быстро вышел-снова украл-помог сесть другому» – лейтмотив поведения горожан, свято чтимый, передаваемый из поколения в поколение и оберегаемый от ушей пришлого люда.

Илюша Теллер Энск любил беззаветно и взаимно. Потому неоднократно избирался его мэром. Он был свой. И не мог мне простить копания в тайнах истории его родного города.

Работать вместе мы, конечно, не могли. Даже существование на одной территории было проблематично.

Положение тогда спасла Марина, редактор «Ставроградской правды». Она давно меня зазывала в газету, но Бородинов столь же упорно не отпускал: «Мне «птица Феникс» и самому нужна». Но когда он проиграл выборы, и я стала ничейная, а под Теллера «ложиться» ой, как не хотела, предложение Марины было для меня спасением.

Когда я принесла Илье заявление о переводе на должность собкора «Ставроградской правды», он удовлетворенно хмыкнул: я перестану маячить у него перед глазами, лезть «куда не надо», а в случае чего в Ставрополе ему будет сподручнее запрессовать меня чужими, еще более властными и цепкими руками.

«Ставроградская правда» находилась под контролем и финансированием высшего областного руководства. Позволить отдельно взятой журналистке делать в области погоду, ни один его чин не мог.

В «Ставроградской правде» в середине 90-х годов царил матриархат. Марина Коркина умело управляла редакцией, пресекая малейшие поползновения «акул пера» на внутренние распри и подковерщину. Тогда в кадровой политике редактора был ясный и четкий критерий – профессиональная состоятельность, светлая голова и трезвый образ жизни. Коллег с другими приоритетами Марина не держала.

У нас с ней сложился неплохой тандем: она знала, что я никогда ее не подставлю и если пишу, то проверять за мной факты нет надобности. Я знала, что при всей строгости Ма-

рины ко мне, при ее принципе дистанцирования от подчиненных, она всегда рядом и в случае нужды поддержит и поможет.

Илья при таком раскладе дотянуться до меня не мог, хотя и сделал ряд безуспешных попыток, категорично пресеченных Мариной. В состоянии творческого подъема и эйфории я благополучно и спокойно проработала в газете два года и даже удостоилась областной премии союза журналистов. И если бы не Василий...

Этот человек по фамилии Балдуев появился в газете неожиданно. Его выдворил из Кубани партбосс Полозков. Вася сначала крутился в областной думе, потом явил свой лик в «Ставроградской правде» в образе заместителя Марины. Мое сердце тревожно заныло. «Каиафа» подобрался ко мне слишком близко.

До Васи замом Марины долгое время был порядочный человек, писатель, интеллигент и умница Сергей Белоконь. Он аккумулировал лучшие традиции журналистики в регионе. Как он ругал себя, когда под напором охочего до кресел Васи Балдуева ушел из «Ставроградской правды» в областную администрацию пресс-секретарем губернатора!

– Если бы ты знала, какая это клоака! – не выдержал однажды Сергей, уже начавший крепко садиться «на стакан». – Никогда, слышишь, никогда не работай с этой властью. У нее нет ничего святого. Убьют, раздавят, уничтожат. Не покупайся!

Мы с ним взаимно уважали друг друга. Но как же он стал пить... Писать «оды вождю» ему было нестерпимо, называть белое черным – немыслимо, а оставаться человеком в лабиринтах ставгородской власти – невозможно. Карьера была окончена, дни – сочтены, а следом пришла смерть. Вот на его-то место и пришел заместитель главного редактора Вася.

Собственно, стычек с ним у меня как таковых не было. Я помнила «завет» экстрасенса Николая: смех разрушает зло! И при каждой встрече с Балдуевым растягивала в улыбке рот и разговаривала не иначе, как смеясь. Шутила, сыпала афоризмами – защищала свою энергетику. Обратила внимание на одну особенность: Вася не умел смеяться! Он издавал некие звуки, сотрясаясь массивным телом, но глаза его при этом оставались совершенно бесчувственными и – растерянными! Более того, на мой смех редактор реагировал нервно, у него начинала трястись голова как при болезни Альцгеймера (свят, свят!), дрожали руки. Напрашивался вывод: Вася конкретно вампирил и интуитивно чувствовал, что не получает от меня нужной ему порции негативной энергии. Понять, в чем дело, он не мог. Но начал меня тихо ненавидеть.

Поначалу несколько раз Вася сунул свой нос в мои материалы, внес совершенно идиотскую правку, вычеркнув аналитику и выводы. Я дала понять Марине, что свои тексты хотела бы видеть на ее, а не на его столе. Больше Вася меня не правил. В роли зама он был безобиден и очень хотел влиться в непростой журналистский коллектив. Он уже знал, что

Марина готовит почву для ухода из газеты на повышение. Надо было только выждать. Вася не умел ждать.

Однажды Марина зашла в свой кабинет и увидела вальяжного зама развалившимся в ее кресле и отправляющим факс.

– Не рано ли, Василий, вы заняли мое кресло?

Василий знал, что не рано. Вопрос с ним был уже решен на самом Черноворонском верху. Вася умел быть нужным власти. И в один прекрасный день, когда старейшая на Юге России газета «Ставроградская правда» отпраздновала свой 80-летний юбилей, судьба редакторского кресла решилась окончательно: вскоре в него сел никому в области неизвестный молодой мужчина с замашками леопарда и гиены одновременно.

Комсомольские отпрыски

На городской площади в центре Энска буйствовал «сын юриста». Ставгородская область вступила в полосу выборных кампаний. Лидер либерал-демократов прибыл агитировать местный люд за действующего губерна Марченкова и всячески «поливал» его конкурента Черноворона.

– Вы хотите избрать человека с такой фамилией? Да он вас в гроб загонит! Через год я к вам приеду, а вы уже – на кладбище! Туда вас приведут коммуняки! Выбирайте из двух зол! Голосуйте за Марченкова! – слушать Вольфовича было одно удовольствие. Песня! Бесплатный концерт. Но как же он был прав!

Шурик Черноворон по всем разумным раскладам не должен был стать губернатором. Но на выборах разум спит. Поэтому Ставгородская область на руках внесла первого областного комсомольца – крикливого и пустомельного – сначала в кресло думского деятеля, усадив аккуратно рядом с коммунистическим лидером, а потом и в губернаторское.

«Пиарился», то бишь болванил свой народ, будущий губер справно. Надо отдать ему должное: в 1996 году он буквально вспахал хлеборобную область, прижал к груди всех уцелевших после реформ доярок, скотниц и землемеров, полежал под всеми комбайнами, заехал во все «медвежьи углы». Народ был в восторге. До Шурика никто не снисходил

до пролетариев так по-братски.

По глупой наивности думалось, что так будет всегда. Как когда-то к Ленину повалят к Шурикуходоки с заломленными шапками правду-матку искать. И найдут. И восторжествуют в области справедливость и порядок. Только, когда Черноворон после победы выставил в коридоре областного правительства вооруженную до зубов охрану, темному народу стало ясно: Шурик – не Ильич.

С его воцарением в кадровой политике региона началась полная чехарда. Откуда-то из небытия вылезли фигуры, которых не знал никто. Предполагалось, что, доверив свое будущее Черноворону, народ автоматически с радостью вверял себя его ставленникам на местах. Но та свита, которая по закону жанра делала короля, зажила своей автономной жизнью. Ставленники ринулись устанавливать ставки. Рулетка под названием «Властное кресло» закрутилась с космической скоростью. И стало всем не до народа. И уж тем более не до его проблем.

– Ты давно могла купить себе должность редактора, – вращая глазами и озираясь по сторонам, шептал мне начальник отдела культуры Юрий Ервандов. – 50 тысяч «зеленых» и любой вопрос решаем! И гордо добавил:

– У нас расценки такие же высокие, как в Чечне.

То ли этот мэн проверял, есть ли у меня такие деньги, то ли предлагал свои услуги в передаче денег по нужному адресу... Я на сей счет не полюбопытствовала. Когда Вася во вре-

мя моего отпуска провел редакционное собрание и избрал сам себя главным при поддержке, разумеется, губернатора Черноворона, я по телефону поздравила новоявленного редактора. Мне стало ясно: работать мы вместе не будем.

Дело в том, что он знал: моя кандидатура в пику Васиной «гуляла» по коридорам власти. Но в отличие от него, покладистого и гибкохребетного, я именовалась «миной замедленного действия», с легкой руки Илюши Теллера меня считали «непредсказуемой». Да к тому с моей фамилией даже думать о карьере в области было немыслимо! Будь я Гайдученко или Сивокобылина, или вот на худой конец Обалдицына – базара нет! А тут какая-то Феникс, понимаешь. То ли еврейка, то ли армянка с яицкими корнями. Даром, что русская. Всё равно – не в дугу. К тому же водку жрать, как то было необходимо с новой властью, я не умела. И вообще, сторонилась ее изо всех сил.

По первости верилось, что «отстреляется» Черноворон, отбудет свой четырехлетний срок и свалит в Москву. Ставгородцы ведь плотно оккупировали столицу, во все времена стекались сюда реками и ручьями, всё норовили свой диктат навязать, всю страну к ногтю прижать. Одному даже удалось. Отцом перестройки тот дядя назывался. Ох, и мудрый же народец вывела на российской окраине Екатерина Великая!

Но Черноворон никуда валить не собирался и обживался на просторах области навечно. Вася зорко следил за ним.

– Пиши «гвозди», – давал мне задание редактор.

«Гвозди» – это скандалы, конфликты, расследования, политкухня. Моя главная специализация. То же самое делали еще несколько журналистов – Лена Рыбкина, Светлана Танич, Валька Жилетт. Нароюм компромат, снабдим шефа, он и рад – теперь он в курсе всех тонкостей региональной политики.

Вася очень четко и буквально понял тезис «информация стоит дорого». Он информацией владел, копил ее, лелеял. Что-то, конечно, выпускал на страницы газеты, но самые «вкусные» фактики берег.

– Слышь, Вовчик! (Петюнчик, Колян, Сирожа) Тут моя Феникс (Рыбкина, Танич) на тебя кое-что насобирила. Ты, оказывается, сволочь приличная! Зачем «крышуешь» похищения людей?

– Побойся бога, Василь. Я чист, как белый лист.

– Брешешь. Завтра в печать пойдешь.

– Сколько...? Я сейчас приеду!

Назавтра Вася кривит физиономию:

– Слабовато написала. Не тянешь. И вообще, в реальности всё выглядит совсем не так.

Не сразу и не всем были понятны подобные рецензии. Я, например, одно время начала комплексовать: а что, если я и впрямь сама, того... Не въезжаю в тему. Но лишь спустя некоторое время, когда Вася по своим финансовым, резко возросшим возможностям и частым поездкам в Москву и за рубеж всё больше стал приближаться к ставгородским

олигархам, стало ясно, что информация, нарытая коллегами, действительно стоит дорого. Куда дороже, чем наша честь и сама жизнь в Васиных глазах.

Год от года в руках Балдуева концентрировалось то, что в одночасье могло уничтожить любую властную фигуру – хоть силовую, хоть штатскую. Черноворон и его окружение поняли это слишком поздно, когда уже болтались на Васином крючке без шанса соскочить. Приходилось с ним считаться. А он пошел дальше. На банкеты и прочие увеселительные мероприятия ходил исключительно с диктофоном особого, спецслужбовского, пошиба. Супер-техника ловила любую речь без искажений с любого расстояния, его не надо было совать под нос и щелкать кнопками. Плоская игрушка толщиной полсантиметра и размером с обычное удостоверение легко умещалась в нагрудном кармане пиджака. Вася мог пить вместе со всеми, молоть всякую чушь, вытаскивая собеседника на откровения «за жизнь», и четко знать, что каждое слово пропечатано у него на груди. И завтра этот мэн заплатит Васе за молчание.

Впрочем, редактор этим делом особо не злоупотреблял. Иначе лежать бы ему с простреленной головой. Он знал, кого и при каких обстоятельствах раскручивать, знал психологию каждой жертвы, детально изучая всякого, на кого падал глаз.

С точки зрения психотерапевтов такое поведение имеет объяснение: человеком движет страх. Страх как мотор. Страх утратить свое влияние, потерять свое место, быть раз-

облаченным. Отсюда патологическое стремление поставить всех под тотальный контроль, знать, кто и чем дышит, о чем думает.

Изучив психологию своих сотрудников и получив рычаги управления ими, он запустил щупальца в правительство и осторожно, даже бережно исследовал каждую душу, чтобы в нужный момент задушить и выжить самому. Вот на такой почве и сошлись три человека, сыгравших в моей жизни роковую роль – Шурик Черноворон, Илья Теллер и Вася Балдурев. Все трое были мудрыми и одержимыми «Каиафой». И была у троицы мертвая хватка.

Гора трупов

Смерть героев моих телевизионных и газетных выступлений шла за мной по пятам. «Каиафа» расчищал поле деятельности вокруг меня, сжимая кольцо. Умиряли лучшие.

Как Гена Танов, бывший заместитель директора завода минеральной воды. Он был убит цинично и дерзко. Расстрелян в упор в момент, когда садился в свой автомобиль. До этого он вел безуспешную борьбу за сохранение завода, который нещадно вели к банкротству, чтобы прикарманить завод и воспользоваться всемирно известным брендом «Ессентуки». Когда мы с Геной начали крутить эту тему и искать концы, кому выгодно, кто за кем стоит, я сказала ему:

– Гена, бесполезно. Хорошо, если просто проиграешь битву.

– За мной стоят люди. Коллектив. Я пойду до конца.

Не дошел. Любопытно, что после убийства Гены из моего журналистского архива в служебном кабинете пропали касеты с записью фактов и фамилий, озвученных Тановым. Конечно, я помню многое наизусть. Но для аргументированного озвучивания этого, увы, мало. Одно скажу, что причастные к банкротству и убийству зама директора люди, живут и здравствуют, носят «красные корочки» и вхожи в самые высшие эшелоны власти.

От пуль, имя которым людской непрофессионализм, зло-

ба и зависть, умерла Людмила Калантарян. Подвижница, учитель в самом высоком смысле слова. Она учила детей музыке. Ее ученики, многих из которых едва можно было разглядеть из-под крышки рояля, творили на сцене чудеса. Virtuозная игра поднимала волосы дыбом не только у мало сведущей в классической музыке публики Ставгорода и Энска, но и у ценителей музыки в Италии, Болгарии, Великобритании, в Москве и Санкт-Петербурге. Учительница возила своих учеников по миру и неизменно возвращалась с наградами.

В родном Энске победы Калантарян воспринимали сначала как должное: «Подумаешь! У нас народ дюже талантлив, ума большого не надо, чтобы «падший» Запад нашими самородками удивлять!». Потом – как доuku: «Сколько можно? Ты, Люда, для себя стараешься, понравилось за чужой счет кататься!». «За чужой» – имелись в виду крохи, которые вынимали из карманов директора предприятий в ответ на слезные просьбы вывезти талантливых ребят на международные конкурсы.

Люда приходила ко мне в слезах и никак не могла смириться с невежеством, вызывающей дремучестью местной власти, которая отказывала ей не только в финансовой помощи, но и в выделении малюсенького помещения, где она могла бы заниматься с учениками. Ей приходилось готовить ребят к соперничеству с музыкантами, которые уже имели международное имя, у себя дома в однокомнатной квартир-

ке. Понятно, что ни мужу, ни родным детям такое положение не могло нравиться.

Как она просила дать ей возможность заниматься с одаренными детьми в стенах энской музыкальной школы! Таланту надо помогать, – не уставала твердить учительница, – посредственность и бездарность пробьются сами. Как она билась за открытие школы искусств! Она хотела учить ребят и музыке, и этике, и английскому языку, и психологии. Она видела на конкурсах, какая молодежь сегодня представляет крупные российские города и зарубежные страны – говорящая на нескольких языках, воспитанная, эрудированная, раскованная и уверенная в себе. Чем хуже энские малыши? Ей было больно видеть, как они, повергнув в шок публику виртуозной игрой на рояле, не умели красиво откланяться, не могли легко и непринужденно дать интервью на языке страны-устроителя или хотя бы на английском. Но Люду не слышали ни в Энске, ни в Ставрополе: слишком много хочешь, еще мы под Запад не подстраивались...

Она раздражала своей настойчивостью. Разбираться с вопросом, дать или нет возможность Калантарян учить детей, занялось министерство культуры Ставропольской области, я написала большую статью. И что? Люду заклеямили и шараялись от нее, как от чумы. Среди коллег она была объявлена белой вороной, для власти стала «красной тряпкой». Для учеников осталась единственной и неповторимой.

Она умерла. От рака. За три месяца.

Она позвонила мне за несколько дней до смерти. По ее голосу было ясно: это – конец. На похоронах у Люды народ стеснялся смотреть друг другу в глаза. Заведующий отделом культуры Энска Ервандов, который первый осаживал Люду и просил «не высовываться», крутился возле гроба, но вскоре исчез. В городе хорошо знали, что он не гнушался ездить в Ставгород с грамотами и медалями, заработанными малышами на конкурсах, и выдавать их за свои заслуги. За что и удостоился звания Заслуженного деятеля культуры.

Все знали, что Люду затравили. Лишь единицы помогали ей и боролись за нее, сколько было возможно. Но разве местечковую власть, которая задалась целью доказать, что она – власть, переборешь? Смириться Люда с этим не смогла. Она ушла из жизни в 45 лет. Молодая, яркая, красивая. Ушла, наверняка не выполнив до конца своего главного предназначения в жизни – учить детей любить красоту звуков.

Я много думала, могла ли она избежать смерти и изменить свою судьбу? Наверно, могла.

Если бы она уехала из Энска – куда угодно, ее ведь с руками бы оторвал любой приличный город – она была бы жива. Но этот шаг учительница рассматривала, как поражение. А ей нужно было признание.

Оно пришло спустя полтора года после смерти. Людмиле Калантарян присвоили звание Заслуженной учительницы России. Неужели для этого ей надо было умереть?

Мой материал об этой женщине был воспринят Ставго-

родским правительством как посягательство на областную власть: она, эта власть, отказала учительнице в праве выполнять свой долг и свою миссию на земле, а я посмела этот отказ афишировать и оспорить. В мою сторону полетели стрелы. Мне в зачет пошла еще одна «галочка»: с этого момента я стала именоваться не просто «миной замедленного действия», но журналюгой.

То был не последний материал, которым я сильно рассердила областную власть.

...17 апреля 1997 года была зверски убита Маргарита Губина, заслуженный член Союза журналистов СССР, отличник телевидения, отдавшая Пятигорскому ТВ более 20 лет жизни. Через 19 дней ее сожженный труп был обнаружен в 50 километрах от Кисловодска в лесополосе станицы Бекешевской. Сын Андрей, студент медакадемии 4 февраля 2001 года был обнаружен мертвым на пороге своего дома. У Маргариты – пуля в затылке. У Андрея в организме – следы некоего вещества, продукта распада лекарственных веществ.

Маргариту убили. Это очевидно и общеизвестно, хотя убийцы на скамью подсудимых не сели, не было самого суда, а уголовное дело краевой прокуратурой почти сразу было приостановлено.

Оба – мать и сын – были наследниками творчества известного писателя Андрея Тристана Губина, автора романа «Молоко волчицы», принесшего Губину мировую известность. Целый ряд его произведений должны были увидеть свет по-

сле его смерти именно усилиями жены и сына. Не увидели. Ибо нет больше ни жены, ни сына. За его творческое наследие в области развернулась нешуточная борьба, и то, что причина двух смертей кроется в получении права на издательство нескольких не увидевших свет романов, не вызывает сомнений.

Расследование этого дела, как и многих других, привело меня в никуда. Непонятно, какие времена должны наступить, чтобы виновные, задействованные в этом и других не менее звонких делах, понесли наказание. Чтобы не журналисты искали преступников, а те, кто за это получает зарплату, звания и должности.

Впрочем, это риторика. Для Ставгородской области абсолютно бессмысленная. Здесь по закону жанра должны погибать звезды, чей свет ярче, чем свет власть имущих.

Глава вторая

Под прессом

Идем ко дну

Пришла беда, откуда не ждали. На Энск обрушилась муниципализация всей страны.

– Ты понимаешь, что твое местное самоуправление – это гибель России?! – в очередной раз орал на меня Илюша Теллер. Орал, словно это я сидела в Кремле и придумывала, чем бы поразвлечься?

Да, я была помощником депутата Госдумы РФ Виктора Бородинова, который работал в Комитете по местному самоуправлению. Ну и что? Я не меньше Илюши, главы администрации города и района, смеялась над тем, что вскоре каждый хутор будет выбирать себе «президента» и «думу». И разрабатывая концепцию местного самоуправления применительно к Южному региону, я учитывала все факторы – безденежье территории, разграбленной приватизаторами, малограмотность населения, неизбежные издержки выборного процесса. Но меня мало, кто слушал. Мой депутат получил команду – он ее и выполнял. В том числе и моими руками, то есть с учетом моего анализа. Судя по тому доку-

менту, который депутаты родили в 95-году, моя работа была коту под хвост.

Илюша был ярким противником местного самоуправления именно исходя из финансовых аспектов. Он был все-таки здоровым мужиком, понимал, что села и станицы самостоятельно смогут разве что умереть.

Мэр тряс передо мной только что принятым законом о местном самоуправлении и кричал, что всё происходящее на территории города – начиная с рождения детей, вывоза мусора и заканчивая инновационной деятельностью и смертью горожан – есть дело сугубо муниципальное, и он, как избранный мэр, обязан за это отвечать. И в его словах была сермяжная правда. И закон был на его стороне. И бюджет тоже. Не было одного, как нет до сих пор: четкого понимания того, за что же в таком случае отвечает государство? И должно ли оно вообще за что-то отвечать, если взваливший на свои плечи муниципальную ответственность мэр не справляется с обязанностями и действует во вред?

Закон, как известно, обратной силы не имеет. В том числе и там, где налицо чистейший абсурд. До сих пор убрать из властного кресла даже откровенно преступный элемент чрезвычайно сложно. Во всяком случае, путем отзыва избранныка. Только – через некие хитроумные манипуляции под ковром или откровенный скандал, опять же спровоцированный подковерно властью имущими против затесавшихся в нее на выборах неугодных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.